

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ПРЕДВОДИТЕЛЬ
ВОЛКОВ

ВАМПИР

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4ФРА
Д96

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского:
«Le Meneur de loups (+ Le Vampire)» by Alexandre Dumas

Переводчики *Евгения Еременко, Евгения Кононенко*

Дизайнер обложки и художник *Андрей Печенежский*

ISBN 978-966-14-1779-2 (PDF)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод
и художественное оформление, 2008

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ВОЛКОВ

Кто такой Мокэ и как эта история стала известна тому, кто ее рассказывает

I

Отчего в течение первых двадцати лет моей литературной жизни, то есть с тысяча восемьсот двадцать седьмого по тысяча восемьсот сорок седьмой год, мой взор и память так редко обращались к городку, в котором я родился, к окружающим его лесам и расположенным по соседству деревням? Отчего мне казалось, что юность исчезла и словно скрылась за облаком, а грядущее представлялось ясным и сияющим, совсем как волшебные острова, которые Колумб со спутниками приняли за плывущие по морю корзины с цветами?

Увы! Все оттого, что первые двадцать лет жизни твоим проводником является надежда, а последующие двадцать — действительность.

С того дня, когда усталый путник выпускает из рук посох, расстегивает пояс и усаживается на обочине... именно с этого дня он обращает взор к пройденному пути, а оттого, что грядущее туманно, начинает всматриваться в глубины прошлого.

Тогда, уже почти погрузившись в бескрайнее море песка, ты вдруг с удивлением замечаешь, что позади остались чудесные тенистые, все в зелени островки, мимо которых ты прошел не только без интереса, но и почти их не заметив.

В то время ты шел так быстро! Так спешил к тому, чего не достичь никогда... к счастью!

Именно тогда ты замечаешь, что был слеп и неблагодарен; именно тогда говоришь себе, что если когда-нибудь

вновь встретишь эти зеленые рощицы, то проведешь там всю оставшуюся жизнь — соорудишь шалаш и окончишь там свои дни.

Но телу нет возврата к прежнему, и лишь памяти подвластно совершать это благоговейное паломничество и восходить к началу жизни — подобно легким ладьям под белыми парусами, что идут вверх по течению реки.

Потом тело продолжает свой путь; но тело без воспоминаний — как ночь без звезд, как лампа без пламени.

Поэтому тело и память следуют каждый своей дорогой.

Тело движется на ощупь к неизвестному.

Память — блестящий блуждающий огонек — порхает над следами, оставленными на пути; лишь она уверена, что не собьется с дороги.

А потом, посетив каждый зеленый островок, подобрав каждое воспоминание, она вдруг возвращается ко все более утомленному телу и жужжанием пчелы, пением птиц, журчанием ручья рассказывает о том, что повидала.

И глаза путника загораются, на губах появляется улыбка, лицо проясняется.

Он не может возвратиться в юность, но так благодаря Провидению юность возвращается к нему.

И с тех пор ему нравится рассказывать вслух то, что память прошептала ему на ухо.

Разве жизнь была круглой, как земной шар? Разве, сам того не заметив, ты прошел по кругу? Разве по мере приближения к могиле ты стал ближе к колыбели?

II

Не знаю. Но знаю то, что произошло со мной.

При первой остановке на жизненном пути, при первом взгляде назад я рассказал историю Бернара и его дядюш-

ки Бертелена, после — Анж Питу, его невесты и тетушки Анжелики, затем — парня по прозвищу Консьянс Простодушный и его невесты Мариетты, потом — Катрин Блюм и отца Ватрэна.

Сегодня я расскажу историю Тибо, предводителя волков, и сеньора де Веза.

А теперь о том, как я узнал о событиях, которые вот-вот пройдут у вас перед глазами.

Сейчас я об этом скажу.

Вы читали мои «Мемуары» и, может быть, помните одного из друзей моего отца, некоего Мокэ?

Если и читали, то с трудом припомните этого героя.

Если не читали, то не вспомните и подавно.

И в том, и в другом случае важно, чтобы я представил вам Мокэ.

Первое, что я помню, то есть начиная лет с трех, — это небольшой замок Фоссэ, где я жил с матерью и отцом; он располагался на границе департаментов Эн и Уаза, между Арамоном и Лонпрэ.

Небольшой замок назывался Фоссэ; несомненно, из-за того, что был окружен огромными рвами, заполненными водой.

Я не упоминаю о сестре; она жила в пансионе в Париже, и мы видели ее лишь месяц в году, то есть на каникулах.

Помимо отца, матери и меня в доме жили:

1. Большой черный пес по кличке Нос, который пользовался привилегией бывать где заблагорассудится, поскольку стал моим любимым верховым животным.

2. Садовник по имени Пьер, который запасал для меня лягушек и ужей — живых существ, которые меня чрезвычайно интересовали.

3. Негр по имени Ипполит, камердинер моего отца, своего рода черный Жокрис, чьи наивные высказывания

превратились в крылатые выражения и которого мой отец держал, чтобы пополнять свою коллекцию занятных нелепиц, которые можно было с успехом противопоставлять бессмыслицам Брюнэ.

4. Сторож по имени Мокэ, которым я восхищался, потому что каждый вечер у него находились все новые истории о привидениях и оборотнях — истории, которые прерывались с появлением «генерала», как называли моего отца.

5. Наконец кухарка, откликающаяся на имя Мари. Последняя совершенно теряется в тумане моей жизни: я слышал, что так называли кого-то, кто отразился в моем сознании весьма смутно и, насколько могу припомнить, не отличался ничем хоть сколько-нибудь поэтическим.

Впрочем, сейчас нам есть дело лишь до Мокэ.

Попытаемся представить его внешность и характер.

III

Мокэ был мужчиной лет сорока, коренастым коротышкой с широкими плечами и крепкими коленями. У него была почерневшая от загара кожа, маленькие пронизательные глазки, седоватые волосы и черные бакенбарды, окаймляющие лицо и спадающие на шею.

Из глубин моих воспоминаний он появляется в треуголке, зеленой куртке с посеребренными пуговицами, в коротких вельветовых штанах, грубых кожаных крагах, с охотничьей сумкой через плечо, с ружьем в руках и короткой трубкой-носогрейкой во рту.

Остановимся на мгновение на этой носогрейке.

Она перестала быть принадлежностью Мокэ и превратилась в неотъемлемую часть его тела. Никто не мог сказать, что когда-либо видел Мокэ без нее.

Если совершенно случайно носогрейки не было у Мокэ во рту, она была у него в руке.

Эта носогрейка, которая непременно сопровождала Мокэ в самых густых чащах, ни в коем случае не должна была быть там утеряна. Потеря ее стала бы для Мокэ утратой, боль от которой могло притупить лишь время.

Мундштук трубки Мокэ никак не превышал пяти-шести линий, и три из них — спорю на что угодно! — были не толще птичьего пера.

Привычка не расставаться с трубкой, которая как в тисках была зажата между четвертым резцом и первым коренным зубом слева и почти полностью вытеснила оба клыка, выработала у Мокэ другую привычку: разговаривать, не разжимая зубов, что придавало всему, что он говорил, специфический оттенок упрямства.

Это становилось еще заметнее, когда он почему-то вынимал трубку изо рта и уже ничто не мешало его челюстям сжиматься и разжиматься, но и тогда слова, казалось, едва просачивались и вместо них выходило какое-то шипение.

Вот так выглядел Мокэ.

Несколько следующих строчек покажут, какой у него был характер.

IV

Однажды ранним утром Мокэ вошел в комнату моего отца, когда тот был еще в постели, и встал перед ним, словно указательный столб на перекрестке.

— Что скажешь, Мокэ, — спросил отец, — чему я обязан счастьем видеть тебя в такую рань?

— Тому, мой генерал, — серьезно ответил Мокэ, — что я окошмариваюсь.

Мокэ, ничтоже сумняшеся, обогатил язык новым глаголом.

— Ты окошмариваешься? Ого-го! — воскликнул отец, приподнимаясь на локте. — Это серьезно, милый.

— Вот так-то, мой генерал.

И Мокэ вынул трубку изо рта, что делал в исключительных случаях.

— И давно ты окошмариваешься, мой бедный Мокэ? — спросил отец.

— Вот уже неделю, мой генерал.

— А кем, Мокэ?

— О, я прекрасно знаю, кем, — ответил Мокэ, еще более сжав зубы, потому что трубка была у него в руке, а рука — за спиной.

— Позволь, а можно ли и мне это узнать?

— Мамашей Дюран, из Арамона, она — не отрицайте! — настоящая ведьма.

— Если это и так, Мокэ, то я об этом не знал, уверяю тебя.

— О, зато я знаю! Я видел, как она отправлялась на метле на шабаш.

— Ты видел, Мокэ?

— Как вижу вас, мой генерал. А еще у нее есть черный козел, которого она очень любит.

— И зачем она тебя окошмаривает?

— Чтобы отплатить за то, что я видел, как она плясала в дьявольском хороводе на пустыре среди вереска за Гондревилем.

— Мокэ, дружище, это серьезное обвинение, и перед тем как объявить во весь голос то, что ты сказал шепотом, я советовал бы тебе собрать кое-какие доказательства.